

А. А. Акаев¹**ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ И ЛЕВ ГУМИЛЕВ: СОПРЯЖЕНИЕ СУДЕБ**

В плеяде самых светлых личностей в российской общественной жизни, которые в конце истекшего века определяли духовную атмосферу в нашей единой тогда великой стране, имена Дмитрия Лихачева и Льва Гумилева по праву стоят рядом. Оба сполна хлебнули лиха в сталинские времена: один прошел через четыре года Соловецких лагерей, другой — через четырнадцать лет ГУЛАГа. Но ни тот, ни другой не были сломлены. Удивительными были их творческая, гражданская и политическая страстность, подвижническое служение науке и своему народу.

В моей памяти выпукло встает дата 12 марта 1990 года. В тот день я как депутат от Кыргызстана участвовал в работе внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Предстояло избрать президента страны. Рядившихся в тогу «властителей дум» на съезде было немало. Среди представителей знаменитой тогда межрегиональной депутатской группы выделялся Андрей Сахаров. Тянули в разные стороны. С первого захода кандидатура М. Горбачева не прошла. Его авторитет к тому времени заметно пошатнулся. По существу положение спас своим призывом в поддержку М. Горбачева седовласый корифей из Ленинграда. Д. Лихачева тогда знала и почитала вся страна, равного ему по моральному авторитету в Союзе не было.

¹ Иностраннный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор. Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). Автор более 160 научных работ и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом», «На благо народа», «Кыргызская государственность и народный эпос “Манас”» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина.

Вспоминая спустя двадцать с лишним лет о стремительно ухудшавшемся положении дел в Союзе, отчетливо понимаю, что Д. Лихачева как гениального провидца главным образом беспокоила не фатальная участь советских правителей, а надвигавшаяся на великую страну беда, тревожила судьба народов, которые извечно жили на единой земле, испытывали общие великие взлеты и исторические невзгоды, кровно и духовно сроднились. Такими же заботами жил тогда и Л. Гумилев. Он был далек от кремлевских, парламентских и иных общественных высот, государство не баловало его наградами. Но своей научной деятельностью по проблемам древней истории Евразии он был человечески и творчески близок к Д. Лихачеву, посвятившему свою жизнь изучению духовных проблем Древней Руси. Из тупика, в который Л. Гумилева в 70–80-е годы истекшего века загнали его академические противники и идеологические фарисеи, ученый смог выйти лишь при активной поддержке со стороны Д. Лихачева, проявившего подлинное гражданское мужество при защите своего собрата по науке. Окрепнув при такой поддержке, Л. Гумилев дальше стремительно зашагал сам. А когда великая держава предстала перед критическим испытанием, лихаческо-гумилевское творческое сопряжение дополнилось их гражданским сопряжением.

Научное братство

И Д. Лихачев, и Л. Гумилев, как известно, занимались преимущественно древней историей. Первый — духовными проблемами Древней Руси, второй — «седыми временами» Евразии. Вводя свои труды в общий исторический контекст в свете неразрывной связи времен, они мастерски перебрасывали мостик из древности к современности. Оба исходили из того, что на мощных древних корнях произрастает могучее живое дерево нашей современной жизни.

Перечитывая лихачевские исследования в нынешних условиях, когда возникли трения в известном славянском треугольнике, невозможно без душевного волнения воспринимать мысли великого ученого о Древней Руси как матери трех братских народов. Их издревле связывает общая пуповина. Лучше раньше, чем позже, чтобы братья-одноутробники снова по-родственному сошлись за общим столом. Призывы же Л. Гумилева к единению евразийских народов вокруг России исходили с другого — восточного азимута. В свете гумилевских трудов по истории Евразии ярко высветилась выдающаяся роль Древней Руси, которая стала потом Россией и, как великая держава, охватила своим благотворным влиянием гигантское пространство: от Дуная и Черного моря на западе до Тихого океана на востоке, от Тянь-Шаня и Байкала на юге до Северного Ледовитого океана на севере. Л. Гумилев убедительно показал, как рождался и, преодолевая выпавшие на его долю беды и испытания, креп русский этнос. Вступая в дружественные отношения с соседствующими этносами, он в ходе исторического процесса обрел черты Суперэтноса — уникального многонационального сообщества — и занял центральное место на евразийском континенте.

После выхода Л. Гумилева из лагерей и политической реабилитации его самого и его прославленных родителей для 45-летнего ученого наступила возможность активной исследовательской деятельности. Он пишет знаменитые книги «Древние тюрки» и «Хунну», защищает докторскую диссертацию. Подлинным творческим взлетом той поры оказалась гумилевская книга «Этногенез и биосфера Земли». Депонированная вначале в качестве рукописи в научной библиотеке, она поляризовала историческую науку, а в официальных кругах была воспринята как вызов партийной идеологии. В 1980 году по решению Президиума АН СССР на публикацию трудов Л. Гумилева был наложен продолжавшийся почти шесть лет административный запрет, дело доходило до его открытой травли. Именно в этой ситуации, казавшейся многим безвыходной, в защиту Л. Гумилева смело выступил Д. Лихачев. Он вместе с тогдашним членом-корреспондентом, а ныне академиком В. Яниным и другими соратниками обратился с большим аргументированным письмом в ЦК КПСС с требованием снять табу на публикацию трудов Л. Гумилева. Под давлением научной общественности ЦК КПСС был вынужден отступить. С тех пор основные труды Л. Гумилева получили право на выход в свет. И читательская реакция не заставила себя ждать. Помню, что залы, где выступал Л. Гумилев, заполнялись битком. За его книгами выстраивались очереди. И до сих пор перед полками с трудами Л. Гумилева в больших книжных магазинах толпятся люди.

Гумилевская книга «Этногенез и атмосфера Земли» до сих пор находится в центре внимания. Ее первое издание сопровождалось рецензией Д. Лихачева. Он писал: «Книга Л. Н. Гумилева “Этногенез и атмосфера Земли”, в которой дается систематиче-

ское изложение представлений ученого об этносе как связующем звене между природой и человеком, уже более десяти лет привлекает пристальное внимание самого широкого читателя. Причина тому — необычайная постановка проблемы, широта обобщения огромного фактического материала всемирной истории и географии, необычайная эрудиция автора, соединение исторического, географического и биологического взглядов на предмет исследования на базе системного подхода». Отталкиваясь от разработанной Л. Гумилевым в данной книге теории пассионарности, Д. Лихачев ставит имя Л. Н. Гумилева «в один ряд с именами замечательных ученых-натуралистов В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, Н. И. Вавилова». Рецензент далее писал: «Со своей, гуманитарной стороны не могу не отметить глубокого профессионализма Л. Н. Гумилева как историка, обладающего к тому же удивительным талантом облекать полные строгости исторические доказательства в форму живого неумолимого повествования»¹... Впоследствии большинство новых книг освящалось предисловиями Д. Лихачева, что в наивысшей мере подчеркивало глубокую сопряженность их творческой деятельности и близость научных взглядов на характер исторических процессов.

Введенная Л. Гумилевым в научный оборот идея пассионарности до сих пор вызывает острые споры. Она возникла в уме молодого ученого во время его пребывания в тюремной камере как творческое озарение. Вникнув, как физик, в гумилевскую теорию пассионарности, я отчетливо осознал, что в силу условий, в которых ученый в те годы находился, он не имел возможности при создании концепции этногенеза опираться на новейшие достижения в естественных науках. Теория систем в ее современном понимании в те годы была еще в утробном состоянии, а теории диссипативных структур, честь разработки которой принадлежит бельгийскому ученому русского происхождения, лауреату Нобелевской премии Илье Пригожину, вообще не было в зачатке. Можно лишь поразиться уникальной научной интуиции Л. Гумилева. Дело в том, что концепция пассионарности в отношении этногенеза хорошо сопрягается с современной теорией систем применительно к крупным социальным общностям. Более 70 лет назад молодой ученый сумел увидеть, что в основе развития этносов как открытых биосоциальных систем лежат нелинейные закономерности, приводящие к возникновению в этом процессе явлений цикличности. Хорошо известная «кривая Гумилева», описывающая закономерности этногенеза в свете идей пассионарности, является тому свидетельством. Переводя на современный научный язык в духе теории И. Пригожина, этносы в их гумилевском понимании можно рассматривать как открытые диссипативные системы с имманентно присущими им явлениями самоорганизации, обеспечивающими переход таких систем в новое состояние путем би-

¹ Из кн.: *Демин В.* Лев Гумилев. М., 2007. С. 169–170. (Жизнь замечательных людей).

фуркаций. Вспомним выражение Гумилева — «конец и вновь начало». В своих усилиях по развитию идей пассионарности Л. Гумилев, не имея возможности опираться на систему современных научных знаний, был вынужден прибегать к объяснениям о вземном происхождении этнической энергии, исходящей будто бы из неких космических источников. С моей точки зрения, обоснование происходящих в нашем сущем мире процессов, связанных с человеческой деятельностью, надо искать в земных причинах, не прибегая к объяснениям вземного характера. Пассионарность надо заземлить и очеловечить — в этом суть моего подхода¹.

Д. Лихачев своими действиями на сложном этапе советской истории дал мощный импульс для вхождения в отечественную науку нового яркого исследователя. Труды Л. Гумилева стали достоянием всех наших народов. Его имя особенно почитают и уважают среди тюркских народов, об исторической судьбе которых ученый писал проникновенно и с любовью. Евразийский национальный университет в Астане считает за честь носить имя российского ученого Льва Гумилева. Особенно много его почитателей в Татарстане.

Объединиться, чтобы не исчезнуть...

Единение евразийских народов вокруг России в тех территориальных рамках, которые сложились вековыми усилиями дальновидных русских правителей и смелых землепроходцев, а также на основе неудержимой тяги соседних народов к союзу с Россией ради национального выживания, было велением времени, отражением исторических закономерностей. В итоге в центре Евразии возникла великая многонациональная держава, оказавшаяся в XIX—XX веках в центре мировых событий и сыгравшая в 40-х годах истекшего века решающую роль в победе человечества над фашизмом. Удержаться на завоеванных веками позициях Советскому Союзу, как известно, не удалось. Опасности захлестывали державу как извне, так и изнутри. Локальные межнациональные конфликты (Нагорный Карабах, Абхазия, Сумгаит, Фергана и др.), а также трения республик с Центром не без влияния извне подтачивали государственные устои Союза. Активно участвуя как президент Кыргызстана в известном ново-огаревском процессе и других ключевых политических событиях той поры, могу с уверенностью сказать, что Союз можно было спасти, во всяком случае Кыргызстан и другие центральноазиатские республики выступали за его сохранение.

Д. Лихачев и Л. Гумилев, проникая историческим скальпелем в глубину веков, видели, как рождались, развивались, а порой и уходили в небытие этносы (народы), возникали и рушились малые и великие государственные формации. Окрепнувшими выходили из критических испытаний лишь этносы (народы), которые объединяли свои силы, находили мощных союзников, обеспечивавших их защиту

от внешних посягательств. Обращение мудрых кыргызских правителей в 1785 году к императрице Екатерине Великой с просьбой о принятии кыргызов в российское подданство спасло мой родной народ от исчезновения в турбулентном политическом потоке. Грузинам полезно вспомнить Георгиевский трактат 1783 года, а украинцы в своей истории будут всегда отмечать Переяславскую Раду 1654 года.

Глубокие внутренние переживания и поныне вызывают работы Д. Лихачева 1980—1990-х годов, в которых великий ученый, осмысливая тревожные современные события через призму древнерусской истории, обращался к народу и власти с призывом к укреплению общенационального единства. Для меня ярким свидетельством тому стало лихачевское исследование «Начало русской литературы»², в котором, подобно набату, звучали обращенные к современникам его мысли о единении русских людей, преодолении раздоров, укреплении государства. «Объединиться, чтобы не исчезнуть»³ — с таким призывом за несколько месяцев до разрушительных событий в Беловежской пуще обратился и Л. Гумилев к народам, которые входили в состав Советского Союза. Он считал, что «дружба народов — лучшее, что придумано в этом вопросе за тысячелетие».

В стремлении более выпукло отразить ход гумилевских мыслей сделаю небольшое отступление. Единение, дружба народов, другие подобные дефиниции относятся к миру метафизики. Для перевода их в земную систему координат, насыщения конкретным содержанием необходима опора на адекватную систему политических (геополитических), экономических, социальных и культурных институций. В ходе многовековой исторической практики государство в деле единения этносов оказалось, пожалуй, наиболее оптимальной институцией. В рамках Российской империи и ее исторического преемника Советского Союза смог сложиться евразийский Суперэтнос, скрепленный не только и не столько государственными границами и принуждением со стороны властей к межэтническому сожительству, но и коллективными заботами народов по обустройству Общего дома, по его защите от внешних посягательств. Многовековая жизнь на единой для Суперэтноса земле, общие заботы, кровные связи, совместно пролитая кровь в борьбе с иноземными нашествиями и поныне служат скрепами евразийского единения.

Гумилевская идея подтвердилась, когда развал Советского Союза не привел к распаду евразийского Суперэтноса. Великие державы (империи) могут возникать и исчезать. Это не означает, что вместе с ними растворяются и уходят в небытие входящие в их состав этносы. Во многих случаях в историческом плане этносы, как считал Л. Гумилев, оказываются более жизнеспособными, чем государства. Институции, в рамках которых этносы способны существовать и развиваться, могут носить не только форму

¹ Акаев А. Киргизская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2008. Гл. XVII : Пассионарность глазами физика.

² Лихачев Д. Начало русской литературы // Повести Древней Руси : сб. Л. : Лениздат, 1983.

³ Гумилев Л. Н. Объединиться, чтобы не исчезнуть // Час пик. 1991. № 2.

государства в традиционном понимании этого феномена. Роль государства в этногенезе Л. Гумилев не абсолютизировал. Историческая практика знает и другие институты, способные служить межнациональному единению, — ассоциации, союзы, сообщества, содружества и т. д. В изменившихся после распада Союза условиях охранительную миссию для евразийского Суперэтноса может обеспечить, например, Содружество независимых государств как четко оформленное многонациональное сообщество, в центре которого находится Россия.

Вспоминая о беседах с Д. Лихачевым во время моих поездок в Санкт-Петербург в 1990-е годы в качестве президента Кыргызстана, я начинаю ныне лучше понимать тот пытливый интерес, который он проявлял к жизни центральноазиатских народов в постсоветских условиях, к тем возможностям, которые предоставляет СНГ для укрепления дружественных отношений между народами на постсоветском пространстве. На содружество в этом плане он возлагал самые высокие надежды. Веление времени как закономерный рычаг для единения народов на постсоветском пространстве неизбежно проявится и на новом этапе в нашей общей истории. Об этом мечтали Д. Лихачев и Л. Гумилев.

Посвятить очередные Лихачевские чтения 100-летию со дня рождения Л. Гумилева

В жизни и творчестве Д. Лихачев и Л. Гумилев шли вместе. Их личности вновь и вновь подтверждают, что интеллектуальная атмосфера Санкт-Петербурга, дух города на Неве способны порождать великие творческие взлеты. Так было во все времена, начиная с Пушкина. К чести российской государственной власти, установилась прекрасная традиция ежегодно проводить Международные Лихачевские научные чтения. Высокой признательности заслуживает роль в организации этих чтений Конгресса петербургской интеллигенции, в числе учредителей которого был и Дмитрий Лихачев.

В 2012 году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося российского ученого, великого сына России Льва Гумилева. Данное событие будут отмечать миллионы его почитателей в России и в других странах, особенно в государствах тюркского мира. Учитывая тесное научное и гражданское сопряжение творческих и личных судеб Д. Лихачева и Л. Гумилева, этой памятной дате, по моему мнению, следовало бы посвятить очередные Международные Лихачевские научные чтения.